

На правах рукописи

Суляндзига Родион Васильевич

**ВЛИЯНИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАН
НА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЮ
НОВЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА)**

Специальность 22.00 08

Социология управления

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2005

Диссертация выполнена в Институте социологии РАН,
сектор «Гражданское общество и социальные стратегии в регионах России»

Научный руководитель	кандидат социологических наук, доцент Халий Ирина Альбертовна
Официальные оппоненты	доктор философских наук Галкин Александр Абрамович доктор философских наук Щербина Вячеслав Вячеславович
Ведущая организация	Государственный университет – Высшая школа экономики Кафедра общей социологии

Защита состоится « ____ » _____ 2005 года в _____ часов на заседании
Диссертационного совета в Институте социологии РАН по адресу
ул. Крижановской 24/35, к 5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН

Автореферат разослан « ____ » _____ 2005 г

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Мешеркина Е Ю.

2007-4

2342329

635

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

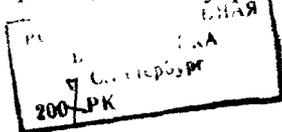
Актуальность темы исследования

Работа посвящена исследованию процессов самоорганизации в местных сообществах коренных малочисленных народов Севера и их влиянию на демократизацию институтов социального управления. Социальное управление рассматривается как целенаправленное воздействие субъекта управления на общественные системы, их компоненты и процессы.

К коренным малочисленным народам Севера относятся этнические группы, обитающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Наряду с отличительными социальными характеристиками и специфическим культурным обликом, главная особенность этих народов – сохранение традиционных систем жизнеобеспечения и прежде всего форм хозяйственной деятельности (оленоводство, охота, рыболовство и собирательство). Народы Севера не создали классовых обществ, что определило все формы их социальной и культурной жизни – наличие родоплеменной структуры, древних форм религии и других черт традиционного, доклассового общественного устройства. В большинстве местных сообществ коренных народов до настоящего времени сохранялись некоторые традиционные институты, которые и являлись основой местного социального управления.

Трансформация этих институтов началась с середины XIX столетия, наиболее интенсивно она осуществлялась в советское время. На протяжении всего этого периода институциональные изменения инициировались и внедрялись государством и были направлены, прежде всего, на превращение сообществ коренных народов Севера в еще один объект общей системы управления.

В конце 80-х годов XX столетия в сообществах коренных народов начались интенсивные процессы самоорганизации, сформировалось общероссийское движение коренных малочисленных народов Севера. Сначала в районах, а затем и на региональном уровне возникли неправительственные организации. Государство поддержало идею создания всероссийской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и включилось в ее формирование, приняв на себя основные функции в этом процессе и тем самым сохранив определенную роль государственных структур в институциональных изменениях. Однако контролировать полностью самоорганизацию не удалось. Возникают и развиваются различные способы обустройства местной социальной и экономической жизни, формы взаимодействия коренных сообществ с экономическими и политическими субъектами, прежде всего с добывающими компаниями и местными/региональными властями. Таким образом, появился новый актер, носитель интересов, ценностей и традиций коренных народов, влияющий на институционализацию новых форм социального управления.

Актуальность исследования данных перемен обусловлена следующими причинами:

1 Проблема сохранения уникальной аборигенной культуры в условиях современной цивилизации и процесса глобализации является общепризнанно важной

2 В этой связи в российской и западной этносоциологии осуществляется анализ возможностей и ограничений институционального «встраивания» традиционных сообществ в систему институтов индустриального общества

3. Важным аспектом модернизации существующего общественного устройства является формирование новых социальных движений.

4 Инновационные институциональные изменения в системе социального управления происходят в российском обществе в целом, что делает актуальным исследование возможностей и границ социальных инноваций, реакции на них существующих институтов.

5 Численность коренных малочисленных народов невелика (около 200 тысяч человек), однако они расселены по всей огромной территории Севера Сибири, Дальнего Востока

6 Проблемы взаимодействия с коренными сообществами, включения их в социальную и экономическую политику и управление существуют практически во всех регионах, расположенных за Уралом и на севере европейской России (Мурманская и Архангельская области).

Ключевыми вопросами данного исследования, являются следующие. Какие структуры самоорганизации возникают? Каковы причины их возникновения? Каково соотношение традиций и инноваций в самоорганизации сообществ коренных малочисленных народов? Какие социальные субъекты и каким образом влияют на формирование новых институтов социального управления?

Объектом данного исследования являются процессы самоорганизации местных сообществ коренных малочисленных народов Севера России. Сеть неправительственных организаций коренных малочисленных народов, возникшая в процессе самоорганизации, рассматривается как «Новое социальное движение», демократизирующее процесс принятия решений и не являющееся специфическим, присущим только традиционным сообществам объединением граждан. Напротив, к новым социальным движениям относятся те движения, деятельность которых базируется на различных ценностных основаниях. (например, экологические, правозащитные, феминистские, социокультурные и т. п.).

Предметом исследования является процесс создания новых институтов социального управления, формирующихся под воздействием самоорганизации местных сообществ коренных малочисленных народов Севера. Под институтами здесь понимаются нормы и правила поведения соци-

альных субъектов, которые предписывают или, наоборот, запрещают те или иные способы действия¹, а также устойчивые социальные практики². То есть предметом является институционализация новых форм социального управления в виде новых систем правил взаимодействия различных субъектов управления, устойчивых практик и т. п.

Цель и задачи исследования

Целью диссертации является выявление роли структур гражданского общества в процессе формирования новых институтов социального управления.

Для достижения данной цели решались следующие задачи:

- 1) выявление основных форм самоорганизации коренного населения;
- 2) определение причин самоорганизации и факторов, оказывающих на нее влияние;
- 3) выявление новых институтов самоуправления коренных малочисленных народов Севера и их взаимодействия с другими субъектами;
- 4) анализ влияния различных социальных субъектов на формирование институтов самоуправления;
- 5) определение соотношения традиции и инновации в процессах самоорганизации и социального управления.

Степень научной разработанности проблемы

Жизнедеятельность сообществ коренных малочисленных народов Севера на местном, региональном и общероссийском уровнях складывается из множества сложных социальных процессов, специфика которых обусловлена, во-первых, влиянием сохранившихся элементов традиционного образа жизни и доклассового общественного устройства, во-вторых, общими закономерностями развития этнических групп в современном обществе. В то же время, экономическая, социальная и политическая деятельность сообществ осуществляется в институциональной системе модернити, и уже по этой причине не является исключительно этнической или традиционной. Так, самоорганизация местных сообществ и общероссийское движение коренных малочисленных народов представляют собой структуры современного гражданского общества, даже если в число их задач входит сохранение этнокультурной самобытности и традиции. Поэтому важно исследование различных направлений деятельности сообществ народов Севера – этнокультурного, социального, гражд-

---

¹ Кульминнов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты от заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // К 6-й Международной научной конференции «Модернизация экономики и выращивание институтов», Москва, 5-7 апреля 2005 г. - М: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2005.

² Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция // М: Дело, 2002.

данского, и др., которые, к тому же реализуются неправительственными организациями одновременно.

Литература, посвященная исследованиям аборигенных народов, этнических групп и традиционной культуры, весьма обширна, поэтому приходится ограничивать круг рассматриваемых в данной работе концепций лишь теми работами, которые имеют непосредственное отношение к ее объекту и предмету. Различные антропологические подходы к изучению традиционных этносов, а также множество трактовок такого феномена как нация приходится оставить за рамками рассмотрения, так как при всей их базовой значимости для этнологических исследований, они имеют опосредованное отношение к анализируемой в диссертации проблеме. Тем не менее, поскольку культурные традиции во многом определяют причины и способы самоорганизации, не уделять этому аспекту внимание невозможно.

Сформировался ряд концептуальных подходов к анализу этнических общностей и их позиций в современной политической системе. Ведущими являются примордиалистские концепции, конструктивистские теории этничности, включая ее инструменталистские трактовки. К примордиалистам относят тех кто «рассматривает этнические общности как естественно сложившиеся группы, основанные, прежде всего, на «кровных связях»³. В их число входят Э. Шилз, С. Гиртц, Л. Гумилев, П. ван ден Берг⁴. Согласно конструктивистским теориям (см. Eriksen T., Barth F)⁵, этничность и нации сконструированы людьми и не являются феноменом, сложившимся естественным путем. Конструктивистский подход стал доминирующей этнополитической концепцией на Западе с 1980-х годов и в России в 1990-е годы⁶, в российской этнологии данную теорию развивают В.А. Тишков, М.Н. Губогло, А.Г. Осипов и др.⁷.

Инструменталистская трактовка этничности представляет собой одно из направлений конструктивизма, она фокусирует внимание на функционализме и утилитаристских ценностях, полагая, что этнические группы служат определенным целям и конкретным интересам, помогая человеку адаптироваться к условиям жизни в индустриальном обществе. Данный

---

³ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М. Институт социологии РАН, 2004. - С. 34.

⁴ Shils, Edward. Tradition. Chicago, 1981; Geertz C. The Integrative Revolution. Premordial Sentiments and Civil in the new States/Geertz C. (ed)/Old Societies and New States, N.Y., 1963; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989, с. 18-22; Van den Berg P. I. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1987, с. 357.

⁵ Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives, I., 1993; Barth F. (ed) Ethnic Groups and Boundaries, Bergen, 1969.

⁶ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М. Институт социологии РАН, 2004.

⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Губогло М.Н. Переломные годы. Мобилизованный лингвизм. М., 1993. Т. 1; Осипов А.Г. Идеологический фактор в процессе формирования самосознания мажоритарных этнических групп // Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. М., 1993.

подход представлен в исследованиях Дж. Родшильда, П. Брасса, Д. Хорвица, В. Соллорса и др.⁸

Российский исследователь Э. А. Паин считает, что примордиализм и конструктивизм должны быть использованы как взаимодополняющие подходы, что позволит приблизиться к пониманию реально о соотношения объективных и субъективных факторов развития этносов, устойчивых и изменчивых его сторон, его диахронных и синхронных механизмов.⁹

С проблемами самоорганизации и социального управления связан ряд работ, посвященных участию представителей этнических групп во властных структурах полиэтнического общества (см. Рябушка А., Лепхарт А.)¹⁰. В трудах Л. М. Дробижевой анализируются также современные социальные проблемы этнических групп и их взаимодействия, социальное неравенство, национальная идентификация, толерантность и мультикультурализм, а также ряд других актуальных этносоциологических проблем¹¹. Рассматриваются цели и функции общественных объединений представителей национальных меньшинств как неправительственных организаций в связи с созданием национально-культурных автономий¹².

В диссертационной работе У. А. Винокуровой «Формирование и изменения ценностных структур сознания народов Якутии» представлены в том числе и проблемы социальной организации и самоуправления коренных малочисленных народов, населяющих республику (эвенков, юкагиров и др.)¹³.

В. А. Тишков также анализирует проблемы самоуправления в традиционных сообществах индейцев Канады¹⁴ и России¹⁵, и движения российских коренных малочисленных народов¹⁶.

---

⁸ Brass P. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi, 1991; Rotshild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N.Y., 1981; Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, Cal. Etc. 1985; Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. N.Y., 1986, p. 206.

⁹ Паин Э. А. *Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России*. М.: Институт социологии РАН, 2004. - С. 42.

¹⁰ Rabushka A., Shepsle K. *Politics in plural Societies: A theory of democratic instability*. Columbus, 1972. p. 186; Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах*. М., 1997, с. 36.

¹¹ Дробижева Л. М. (отв. ред.) *Социология межэтнической толерантности*. М.: Институт социологии РАН, 2003; Дробижева Л. М. (отв. ред.) *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность*. / Авт. Проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. - М.: Academia, 2002.

¹² *Права национальных меньшинств и закон о национально-культурной автономии*. // Дробижева Л. М. (отв. ред.) *Социология межэтнической толерантности*. М.: Институт социологии РАН, 2003, с. 111.

¹³ Винокурова У. А. *Формирование и изменения ценностных структур сознания народов Якутии*. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М., 1995.

¹⁴ Тишков В. А. (отв. ред.) *Коренное население Северной Америки в современном мире*. - М.: Наука, 1992.

¹⁵ Тишков В. А. (ред.) *Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока*. Независимый экспертный доклад. М., 2004.

Проблемы государственной политики по отношению к национальным меньшинствам рассматриваются в работах В И Мукомель¹⁷, Э А Паина¹⁸

Ряд исследований посвящен изучению этносоциальных, этнополитических, этнодемографических проблем конкретных этнических групп, например, работа М И Губогло и С К Смирновой по изучению современного состояния угро-финского населения Удмуртии¹⁹ и ряд других (см., например, Тураев В А)²⁰.

Большое значение для данной диссертационной работы имеют исследования взаимодействия традиции и модернити, в которых традиция рассматривается как система социальных связей, взаимодействия, установок, предшествующих модернити. В российской социологии соотношение традиции и модернити анализируется в работах А Б Гофмана²¹ и Э А Паина²².

Гораздо меньше исследований традиционной экономики и традиционного хозяйства, которые оказывают существенное влияние на процессы самоорганизации местных сообществ коренных малочисленных народов В России. Этими проблемами занимается К Б Клоков²³, Т Б Бочарникова²⁴, Т Г. Харамзин²⁵ и др.

Правовые аспекты жизни российских коренных народов исследуются в работах В А Тишкова, Н И Новиковой²⁶ и других авторов. В этих

---

¹⁶ Гишков В. А. Антропология НПО. Неприкосновенный запас, № 39, 2005

¹⁷ Мукомель В. И. Политика по отношению к этническим меньшинствам в субъектах Северного Кавказа и других регионах России: позитивные практики // Воронина Н. А., Галдина М. (ред.) Кавказ и этничность в субъектах Российской Федерации - М: Оргсервис-20002, 2004 - С 245-266

¹⁸ Мукомель В. И., Паин Э. А. (ред.) Новые диаспоры. Центр этнополитических и региональных исследований - М., 2002

¹⁹ Губогло М. И., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2002

²⁰ Тураев В. А. Эвники Амурской области: социально-демографические и этнокультурные процессы // по результатам полевых исследований 2003 г. // Вестник ДВО РАН, 2004, № 2. С. 44

²¹ Гофман А. Б. От какого наследия мы не отказываемся? // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2004 // Отв. ред. Л. М. Дробязева. - М.: Институт социологии РАН, 2004 - С. 369-371

²² Паин Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003

²³ Клоков К. Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 5. СПб.: Изд. НИИ СПбГУ, 1997. Население и природопользование этнохозяйственного ареала современных венков // Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 6. СПб.: Изд. НИИ СПбГУ, 1998

²⁴ Бочарникова Г. Б. Разработка программы содействия развитию общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Вестник ВГУЭС. Выпуск Института экономики и международного бизнеса, 2004, № 1. Бочарникова Г. Б. Традиционное хозяйство, рынок и охрана природы // ЭкоLogos (журнал московского ИСАР), 2003, № 17

²⁵ Харамзин Г. Г. Экономика традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера - Ханты-Мансийск, 2001

²⁶ Н. И. Новикова, В. А. Гишков (ред.) Юридическая антропология // Закон и жизнь. М., 2000

работах рассматриваются традиционные нормы жизнедеятельности аборигенных сообществ, «обычное право» коренных народов, его легитимность и равноправие с государственными законами

На Западе с конца 60-х годов проводятся прикладные политологические, экономические и правовые исследования проблем участия аборигенного населения в управлении и политике. На их основе разработаны технологии адаптации коренных народов к современной экономике при одновременном сохранении языка, обычаев и т.п.²⁷

Поскольку неправительственные организации коренных народов являются ячейками гражданского общества России и входят составной частью в социальные движения, исследования этого направления также должны быть учтены. Российскими учеными эта тематика разрабатывается с самого начала перестройки, когда общественные организации называли неформальными объединениями²⁸. Многие социологи ставят вопрос о наличии и возможности формирования в нашей стране гражданского общества²⁹. Большое количество работ посвящено уже существующим структурам гражданского общества и развивающимся неправительственным организациям³⁰.

Особое значение для исследования влияния самоорганизации на формирование демократических институтов социального управления имеет литература по институциональной теории, а также по изучению институциональных изменений в России. Неоинституциональная концепция представлена в трудах Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона³¹. В российской социологии концепция

---

²⁷ Osherenko Gail. Indigenous Political and Property Rights and Economic Environmental Reform in Northwest Siberia. *Post-Soviet Geography*, 1995, 36, 4, p. 22-34. Pemkett T. Northern solitudes. Canadian policy, Aboriginal actors and the Arctic Council. Bearing the European North the Northern Dimension and the Alternative Scenarios. Rovaniemi. Heinenen J & Langlais R. Arctic Centre, 1999, Kvist R. Swedish Saami Policy 1548-1992 // Third Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi, Finland, 1994.

²⁸ Общественные самодельные движения: проблемы и перспективы - М: НИИ культуры, 1990.

²⁹ Гражданское общество в России: структуры и сознание - М: Наука, 1998. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? М: ИС РАН, 2003. Поговорим о гражданском обществе - М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. Псырецов С.П. Гражданское общество в политическом измерении - М: УИМО, 1995, № 12.

³⁰ Гордон Л.А. Клопов Э.В. Потери обретения в России девяностых - М., 2000. Яницкий О.П. Социальные движения: сто интервью с лидерами - М: Московский рабочий, 1991. Экологическое движение в России: Критический анализ - М., 1996. Аксенова О.В., Халий И.А. Развитие общественных движений в современной России // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2003 - М: ИС РАН, 2003.

³¹ Коуз Р. Природа фирмы. Вехи экономической мысли. Геория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб., Экономическая школа, 2000. С. 11-32. Норт Д. Институциональные изменения и функционирование экономики - М: Фонд экономической книги «Начала», 1997. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Науч. ред. и вступ. статья В.С. Катялко - СПб: Лениздат. CEV Press, 1996.

институтов как устойчивых социальных практик развивалась Т.И. Заславской³². Анализ современных российских институтов и институциональных трансформаций в основном в рамках направления институциональной экономики и экономической социологии предстает в работах В.В. Радаева.³³ Возможности и способы создания новых институтов рассматриваются в докладе Кузьмина Я.И., Радаева В.В., Яковлева А.А., Ясина Е.Г. «Институты от заимствования к выращиванию»³⁴ представленного на ежегодной научной конференции Государственного университета – Высшая школа экономики в 2005 году, а также в книге Г.Б. Клейнера³⁵.

Проблемы социального управления и социального проектирования изучались Г.М. Дридзе³⁶.

Теоретико-методологические основы исследования

Рассмотрим, прежде всего, этносоциологические интерпретации проблемы самоорганизации и социального управления. Большинство исследований сфокусировано непосредственно на проблемах сохранения и политической реализации этничности. Так, Э.А. Паин анализирует активность этнических общностей, нацеленную на встраивание в существующую политическую систему или создание и утверждение собственной системы политического управления³⁷.

В работах Л.М. Дробнжевой в таком же ракурсе исследуются и общественные объединения национальных меньшинств в российских городах, то есть формой самоорганизации этнической группы³⁸. В книге подчеркивается пестрота их социально-экономических и правовых характеристик, а также их политических ориентаций. Автор выделяет два типа национально-культурных НПО - экспрессивный и инструментальный. Основными задачами экспрессивных организаций является проведение встреч между соплеменниками, национальных праздников, поддержание

³² Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

³³ Радаев В.В. Институциональная динамика рынков и легализация бизнеса. Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. - С. 262-311.

³⁴ Кузьмин Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. К 6-й Международной научной конференции «Модернизация экономики и выращивание институтов», Москва, 5-7 апреля 2005 г. - М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2005.

³⁵ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.

³⁶ Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. Отв. ред. Г.М. Дридзе. - М.: Наука, 1994. - 304 с.

³⁷ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. Институт социологии РАН, М., 2004; Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.

³⁸ Дробнжева Л.М. (ред.) Социология межэтнической толерантности. М.: Институт социологии РАН, 2003.

связей с этнической родиной. Целью инструментальных организаций является создание условий, благоприятных для жизнедеятельности этнических групп (изучение родного языка, информационная поддержка, и пр.). Кроме того, часть этих групп предстает в виде адаптационных центров для мигрантов, в которых национальный признак играет номинальную роль³⁹. Самоорганизация в данной работе изучается как способ сохранения этничности и реализации ценностей этнического сообщества.

В диссертации У. А. Винокуровой, посвященной формированию ценностных структур народов Якутии рассматриваются, в том числе, некоторые формы самоуправления местных сообществ эвенов, эвенков и юкагиров. Автор считает, что в настоящее время слоды и собрания жителей поселков на уровне местного самоуправления являются единственным органом политического самовыражения дисперсной группы малочисленного этноса. Они должны иметь соответствующий правовой статус, как орган самоопределения. В Якутии принят закон об организации кочевых родовых общин, функционирование которых показало, что этническая организация нуждается в этнических формах управления. Проекты законов, разработанные юкагирами и эвенами, сочетают традиционные и современные представления о субъектах власти⁴⁰. Таким образом, этническая самоорганизация, в обоих исследованиях рассматривается, с позиции ее роли в сохранении этнических ценностей и самого сообщества как этнической группы. Развитие самоуправления в сообществах коренных малочисленных народов Якутии анализируется как формирование определенной иерархической структуры власти, комбинирующей современные и традиционные элементы управления.

При всей бесспорной важности данных процессов, наше исследование имеет несколько иные объекты и предмет, и сфокусировано на самоорганизации населения, результатом которой не может являться создание властной структуры. Напротив, ее результатом становится демократизация системы социального управления, расширение возможностей участия местных жителей в принятии решений и возникновении институтов, обеспечивающих процесс демократизации. Выявление роли НПО в сохранении этничности также не является главной целью анализа, этничность и традиция рассматриваются как один из факторов самоорганизации.

Непосредственно движение российских коренных народов исследует В. А. Тишков, однако ученый концентрирует внимание на государстве, которое с его точки зрения является самой важной и значимой формой людских коллективов и основным субъектом управления. «Только сильные и эффективные политики в форме национальных бюрократий и соли-

---

³⁹ Там же, с. 102-103

⁴⁰ Винокурова У. А. Формирование и изменения ценностных структур сознания народов Якутии. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М., 1995, с. 155

дарных с ними гражданских сообществ способны решать наиболее сложные и наиболее важные вопросы общественного развития»⁴¹ Поэтому деятельность движения он оценивает в ракурсе его взаимодействия с государством, от которого и зависит эффективность НПО НПО коренных народов совместно с государством и бизнесом имеют перспективу разработки культурно ориентированной модернизации и устойчивого саморазвития⁴² Таким образом, государство рассматривается как ключевой агент процесса институционализации социального управления.

Для данной диссертации особенно важное значение имеют исследования социальных проблем межэтнических отношений в российском трансформирующемся обществе Л М Дробижевой, в которых ставится, в том числе, и вопрос об ограничении возможностей представительской демократии в обеспечении этническим меньшинствам участия в принятии решений «Перед каждым мультикультурным сообществом в условиях перехода к демократии стоит непростой вопрос — как представить интересы этнических групп в политическом пространстве. Демократы реализуют мажоритарную систему один человек — один голос Но тогда представительные органы власти никогда не смогут учитывать интересы меньшинств Начинаются конфликты, сепаратизм, которые, чаще всего, преодолеваются отнюдь не демократическими способами»⁴³ В работе рассматриваются различные западные модели разрешения данной проблемы: интегральная, предусматривающая рассредоточение властных полномочий между этническими группами, модель консолидационной демократии, предполагающая создание коалиционных властных структур в случаях острых конфликтов. Анализируются возможности и ограничения использования подобных моделей в российских условиях Крайне важным для анализа проблемы социального управления представляется вывод Л М Дробижевой о том, что «социальные практики настолько разнообразны (мы не можем раскрыть их разнообразие полностью), что надеяться на все решающую «выработанную этнополитику» было бы просто наивным Не только мультикультурная политика времени перехода к демократии, но и давно действующие демократии не способны раз и навсегда решить этнонациональные проблемы Этнополитика становится эффективнее, если она гибкая, оперативно отвечает на вызовы практик, если законы действуют, их используют в случае нарушения прав человека и группы, а общая обстановка в стране становится стабильнее»⁴⁴.

---

⁴¹ Тишков В А. Антропология ШОУ. Неприкосновенный запас 2005, № 39

⁴² Тишков В А. (ред.) Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Независимый экспертный доклад М., 2004

⁴³ Дробижева Л М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. Центр общечеловеческих ценностей, 2003, с. 9

⁴⁴ Там же, с. 21.

Наше внимание сфокусировано на роли самоорганизации в формировании демократических институтов, в том числе институтов взаимодействия НПО и государства. В основе самоорганизации лежит социальная активность членов местных сообществ. Поэтому в качестве основных теоретических подходов к анализу самоорганизации как нового социального движения и ее роли в институционализации социального управления используются акционистский подход А. Турена, теория новых социальных движений, теория социального управления и неинституциональные концепции (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон, Радасв В.В., Заславская Т.И.).

1. Акционистский подход (или социология действия), разработанный французским социологом А. Туреном, лег в основу исследования причин и способов самоорганизации коренных малочисленных народов Севера, а также деятельности их НПО и достигаемых ими результатов. Объектом анализа акционизма являются вопросы социальной и культурной ориентации общества, природы социальных конфликтов и борьбы за власть, через которые эти конфликты проявляются, определение социальных факторов, подавляющих или вызывающих социальные движения, т.е. «образование исторического действия – способа, которым люди делают свою историю»⁴⁵. Акционизм дает возможность создать представление не о характеристике системы, а о позиции субъекта. Сущность субъекта, по А. Турену, заключается в стремлении индивидуума быть действующим лицом, а субъективация есть не что иное, как желание индивидуализации.

В нашем случае под индивидуумом мы понимаем инициативные группы и НПО, возникающие в местных сообществах коренных народов, а под субъективацией – осознание необходимости сохранения не только уцелевших до сего дня элементов культуры и способов ведения хозяйства, но и саму жизнь сообществ в ее достойном выражении. Иными словами, субъекты действий коренных народов проявляют активность в социальной и культурной сферах.

А Турен указывает на то, что процесс субъективации может развиваться только в том случае, если имеет место «достаточный контакт между миром инструментальности и миром идентичности»⁴⁶. Под миром инструментальности А. Турен имеет в виду систему управления и ту (основную) часть общества, которая полностью принимает существующие устои жизни, в первую очередь – рыночные отношения.

В нашем исследовании, опираясь на подход А. Турена, мы будем рассматривать, в первую очередь, взаимодействие НПО коренных народов с властями различных уровней и компаниями, как с самостоятельными субъектами, а также возможности влияния на них, что воплотится в

⁴⁵ Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные или различные. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Ингоменцева. М. Academia, 1999. - С. 473.

⁴⁶ Там же.

реальной жизни, по утверждению А. Турена, в форме социальных институтов, защищающих собственные интересы. Коллективные действия, вслед за А. Туреном, мы будем анализировать как силу, защищающую права индивидуума и позволяющую субъекту выжить.

НПО коренных народов интерпретируются нами как истинные коллективные индивидуумы, стремящиеся к индивидуализации, чья субъективация «становится реальной силой тогда, когда заново оценивает себя, осознавая свою ценность и свое место в общественных отношениях»⁴⁷ Это желание индивидуализации приводит к тому, что индивидуумы утверждают себя как действующее лицо в процессе преобразования общественной жизни и восприятия ее ориентиров.

Характеризуя общественные движения, А. Турен полагает, что они все менее и менее призывают к созданию нового социального порядка, но все более и более – к защите свободы, обеспечению безопасности и человеческого достоинства. В свою очередь, чтобы защитить перечисленное, индивидууму приходится стать субъектом действия, который формируется в своем желании оставаться самобытным, т. е. чтобы окружающие признавали его право быть самим собой. На примере Латинской Америки А. Турен показывает, что этнические группы борются за выживание их экономики и культуры. Часто для этого многие из членов этих групп вынуждены практически вливаться в современную городскую жизнь в поисках работы, пропитания и образования детей. Но бывают и другие случаи, когда группы ищут способы защитить свою культурную самобытность, активно участвуя в социальных, экономических и политических процессах. Тогда они становятся способными на масштабные коллективные действия, утверждает А. Турен, и даже на социальные выступления. Именно поэтому центральным тезисом акционистского подхода является связь идеи субъекта с идеей социальной активности. Идея субъекта воплощается тогда, когда проявляются коллективные действия, направленные на создание пространства – одновременно социального, политического и морального. Субъект готовит для себя возможности создавать собственные формы социальной жизни, благоприятные для его утверждения, но признавая при этом и права других субъектов. Таким образом, действия субъектов ведут к развитию демократии, которая основывается не только на признании основных прав, ограничивающих любую общественную власть, но и на солидарности, позволяющей каждому индивидууму утвердиться как социальному субъекту.

2. Парадигма «Новых социальных движений» неразрывно связана с акционистским подходом. А. Турен является одним из ее основоположников. Под парадигмой в данном случае понимается комплекс методологических подходов, теорий, выводов и даже позиций ученых, фокусом исследований которых являются движения. Парадигма — более общее понятие, чем концептуальная модель, теория или совокупность теорий. В

⁴⁷ Там же, с. 474

данной работе под парадигмой понимается некоторая общность принципов и постулатов, лежащих в основе теоретического подхода. Включение тех или иных концептуальных моделей в парадигму обосновывается их методологической общностью⁴⁸.

Так называемые «Новые социальные движения» появились в 80-е годы, в отличие от «старых» движений они были ориентированы не на интересы, а на ценности. По сути, эти движения стали реакцией на вызовы современного общества – глобальный процесс модернизации, мировой экологический кризис, необходимость самоидентификации личности в виду стирания самых различных границ (национальных, классовых, социальных и т.п.)⁴⁹. В этой связи все чаще самоидентификация происходит по ценностным ориентациям, что является одним из главных признаков новых социальных движений. Недаром эту парадигму называют еще и «парадигмой идентичности». Мы используем данный подход, поскольку движение коренных малочисленных народов в значительной степени ориентировано именно на сохранение этнокультурных ценностей.

В рамках парадигмы «Новых социальных движений» общество рассматривается в терминах структур, социальных сил, долгосрочных процессов и перспектив. Изучая общественные движения, исследователи концентрируют внимание на макросоциальных факторах, на роли движений в исторических изменениях, соотнося их с определенными социальными силами, ценностями и нормами. Общественные движения в этой парадигме выступают как социальные субъекты и представляют собой движущие силы исторического развития на современном этапе.

3. Концепция социального управления. В социологии понятие «управление» рассматривается в двух смыслах: во-первых, как целенаправленное воздействие на общественные системы, их компоненты и процессы; во-вторых, как воздействие субъекта управления на все общество⁵⁰.

В центре нашего внимания будут следующие аспекты социального управления: управленческие общественные отношения (взаимодействие субъектов управления, а именно власти, неправительственных организаций, органов местного самоуправления), объект и субъект управления (местные сообщества и коренные малочисленные народы, органы государственного управления и органы местной власти, а также участие НПО и компаний), методы и подходы в управлении, технологии управления (переговорные процессы, соглашения, комитеты и комиссии, круглые столы, встречи и др.)

⁴⁸ Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб: Наука, 1993.

⁴⁹ Touraine A. An introduction to the study of social movements. Soc. Research 1985. Vol. 52, N. 4.

⁵⁰ Голенкова З. Г., Акулиничев М. М., Кузнецов В. Н. Общая социология. М.: Гардарики, 2005.

Предмет теории социального управления – это прежде всего изучение общественных отношений между коллективами и личностями в процессе социального управления. Сферу управленческих отношений образуют взаимосвязи между этими органами и обществом в целом, а также отношения между различными группами населения, возникающие в процессе функционирования управления, т.е. между субъектом и объектом управления, что особенно значимо для данной диссертационной работы.

Как всякое управление (государственное, внутриорганизационное и т.п.), социальное управление отражает специфику общества, взаимосвязь отношений необходимости и свободы, возможности человека как сознательного существа активно влиять на действительность и изменять ее в соответствии со своими целями, идеалами. Человек здесь рассматривается как социальный субъект, как часть социальной группы. Акцент нашего исследования будет сделан на активность НПО коренных народов как одного из субъектов, оказывающих влияние на формы и методы управления.

Сущность социологического подхода к управлению заключается в выявлении и всестороннем изучении семи взаимосвязанных компонентов, которые будут анализироваться нами в связи с влиянием НПО на их изменения:

- деятельности органов управления (управляющая подсистема) с точки зрения функционирования их в качестве социальных систем;
- целенаправленного управленческого воздействия на управляющий аппарат, включающего целеполагание и целедостижение;
- социальной самоорганизации, т.е. совокупности спонтанных процессов регулирования внутри социальной группы;
- системы управленческих решений;
- анализа и контроля функционирования управляемой подсистемы

4. Теория неинституционализма. В рамках неинституционализма существуют некоторые различия в интерпретации категории института. Так, Р. Коуз⁵¹ в качестве института рассматривает организацию (фирму). Д. Норт⁵² определяет институты как существующие в обществе правила и нормы взаимодействия между различными социальными субъектами, не ограничивая их круг только экономическими акторами. О. Уильямсон⁵³ концентрирует внимание на организациях, как сложных комплексах схем и правил. Эти интерпретации категории «институт» фактически дополняют

⁵¹ Коуз Р. Природа фирмы // Великая экономическая мысль. Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина – СПб: Экономическая школа, 2000. С. 11-32.

⁵² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

⁵³ Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. Науч. ред. и вступл. статья В.С. Катыкато – СПб: Лениздат CEV Press, 1996.

друг друга, позволяя анализировать разные аспекты взаимодействия социальных структур в процессе управления

Наиболее адекватным для данного исследования является определение института как правил поведения, или регулятивных принципов, которые предписывают или, наоборот, запрещают те или иные способы действия. Эти правила одновременно ограничивают и стимулируют действия социальных субъектов, позволяют им совершить осознанный выбор и предсказывать действия окружающих⁵⁴. К институтам также относят механизмы, обеспечивающие выполнение правил и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми⁵⁵. Особо важной для анализа самоорганизации местных сообществ представляется интерпретация институциональной системы как трехуровневой структуры включающей в себя

- уровень формальных правил,
- уровень неформальных правил,
- уровень культурных традиций и ценностей.

Формальные правила фиксируются в правовых актах, на уровне отдельных социальных субъектов – в заключенных контрактах. Неформальные правила представлены социальными нормами или договорами между социальными субъектами. Формальные правила утверждаются конкретными полномочными органами и оформляются как правовые акты или письменные предписания, опирающиеся на правовые акты. В отличие от формальных правил, неформальные обычно не имеют конкретных «авторов». Их содержание чаще всего не фиксируется в документальном виде, а если фиксируется, то данный документ формально не обязателен к исполнению, их соблюдение обеспечивается доверием и репутацией участников процесса взаимодействия.

Неформальные правила, в свою очередь, опираются на более широкое основание в виде культурных традиций и ценностей, утвердившихся в обществе. Культурные традиции связаны с воспроизведением устойчивых практик поведения, которые вошли в привычку, закрепились в местных обычаях. Их воспроизводство связано со специфическими стилями жизни, способами восприятия информации, идентификацией людей с одними группами и их противопоставлением другим группам и т.п. К данному определению культурных традиций как института близка интерпретация институтов как устойчивых социальных практик, предложенная Т. И. Заславской. Однако Заславская предлагает более широкую трактовку

⁵⁴ Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты от заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. К 6-й Международной научной конференции «Модернизация экономики и выращивание институтов». Москва, 5-7 апреля 2005 г. - М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005.

⁵⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

социальных практик, нежели закрепленного в обычаях поведения, включая в данное понятие также и практики, создаваемые социальными субъектами современного общества, являющиеся по сути новыми, нетрадиционными, но успешными закрепиться в виде повторяемых действий⁵⁶.

Методика исследования

Работа опирается на результаты осуществленного автором исследования самоорганизации коренных малочисленных народов в шести российских регионах: Приморский край, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Томская область, республика Горный Алтай, республика Саха (Якутия).

Исследование проводилось методом глубинных интервью. Данный метод является наиболее адекватным цели и задачам исследования. Процессы самоорганизации в местных сообществах коренных народов весьма разнообразны, не имеют однозначной, четко выраженной формы, в силу этого практически не поддаются формализации. Кроме того, местные неправительственные организации, а также государственные структуры и компании, с которыми им приходится взаимодействовать, представляют собой ограниченный круг социальных субъектов, что также затрудняет применение количественных методов.

В ходе исследования было проведено 54 интервью с лидерами и активистами местных организаций и АКМНС, 12 интервью с представителями региональной власти, 12 интервью с представителями районной власти, 6 интервью с представителями компаний.

Аналізу подвергались заявки на выполнение просектов, полученные АКМНС от местных НПО и своих подразделений (общей численностью 69 единиц). Таким образом, были получены данные о целях и задачах, которые ставят перед собой местные объединения.

Кроме того, был проведен вторичный анализ следующих источников: литература по истории и экономике коренных малочисленных народов Севера, документы общероссийской АКМНС и региональных организаций, документы региональных администраций, так или иначе связанных с жизнью коренных малочисленных народов, соглашения неправительственных организаций с компаниями, письма представителей местных сообществ коренных народов в офис АКМНС.

Было проанализировано и несколько конкретных случаев (метод кейс-стади), которые позволили сделать ряд выводов о методах и способах действий, степени влияния НПО на власти и компании, влияние традиций коренных малочисленных народов Севера на формы действий их неправительственных организаций. Такими случаями стали конфликт местного

---

⁵⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М. Дело, 2002.

сообщества с районной администрацией в Турханском районе (Красноярский край) и конфликт движения коренных народов с компанией «Тернейлес» (Примоский край) Возникшие конфликты были изучены в виде полностью осуществленных процессов начиная с конфликтных ситуаций, переросших в стадию прямых и жестких конфликтов, и заканчивая достигнутыми результатами

Новизна исследования

Новизна настоящего исследования заключается в следующем:

- 1 проанализированы формы и способы самоорганизации коренных малочисленных народов Севера;
2. выявлены новые институты социального управления, сформировавшиеся под воздействием неправительственных организаций коренных народов;
- 3 дана типология форм и способов самоорганизации и типология способов влияния, которое самоорганизация оказывает на формирование новых институтов социального управления.

Положения диссертации, выносимые на защиту

В соответствии с целью и задачами диссертации на защиту выносятся следующие концептуальные положения

1 Сообщества коренных малочисленных народов российского Севера являются социальными общностями, частично сохранившими традиционную культуру Их жизнь тесно связана с внешним миром и зависима от него.

2 Основными причинами самоорганизации граждан в поселках коренных народов Севера сегодня являются:

- конфликты коренных сообществ с добывающими предприятиями, работающими на их территориях,
- глубокий экономический кризис и социальная безысходность,
- утрата культурных традиций,
- слабый учет проблем и интересов местных этнических сообществ в практике управления.
- недостаточность каналов трансляции нужд и интересов сообществ представителям власти

3 Главными факторами, влияющим на процесс самоорганизации, являются наличие активных и образованных людей в коренных поселках и гендерное разделение труда, сохраняющееся при любых модификациях традиционного образа жизни Сравнительно высокий уровень образования членов сообществ привел к появлению в их среде активистов и лидеров, инициировавших процессы самоорганизации Преобладание среди них женщин усиливает социальную составляющую деятельности НПО

4 Местная самоорганизация осуществляет экономическую, социально-культурную, протестную формы активности, заставляя власть выполнять функции социального управления. Местная самоорганизация создает новые способы передачи знаний, сохранения и развития элементов национальной культуры, институционализируя их в виде социальных практик, заменяя ими переставшие функционировать традиционные, а в иных случаях, советские институты

5 Самоорганизация существует в форме местных НПО и общероссийского движения коренных малочисленных народов Севера. Организации движения взаимодействуют с региональными и федеральными властями, влияют на принятие не только управленческих, но и политических решений, создают новые институты взаимодействия с властью: участие в различных комитетах и комиссиях, развитие переговорного процесса: организация семинаров, круглых столов, публичных обсуждений. Движение также создает институты социального управления в процессе разрешения конфликтов между сообществами народов Севера и компаниями: правила согласования интересов, заключения соглашений, стратегического планирования развития поселков, механизмы участия населения в реализации соглашений, практики взаимодействия и протестных акций и пр. Особенность этих институтов заключается в том, что государственные структуры не принимают участия в их формировании

7 Организации движения коренных народов являются структурами гражданского общества эпохи модернити и в то же время выражают не только социальные, экономические и политические интересы коренных народов, но направлены и на сохранение до сих пор существующих элементов традиционной культуры, способствуют институционализации форм и способов ее поддержания. Возникающие институты не являются и не могут быть в строгом смысле традиционными, в то же время их функция заключается в том, чтобы дать возможность сообществам народов Севера стать частью модернити, сохранив этнокультурную самобытность

8 Существует корреляция между различными периодами развития институтов государственного управления и экономическим развитием территорий проживания коренных народов Севера. В промежутках между волнами промышленной экспансии в той или иной форме развиваются институты участия коренного населения. В периоды активного освоения Севера и Сибири эти институты ликвидируются.

Апробация работы

Результаты проведенных исследований были представлены в публикациях (см. список опубликованных работ по теме диссертации), а также в виде докладов, подготовленных для следующих конференций:

Научно-практическая конференция «Канадско-Российское сотрудничество», Новосибирск, май 2004 года,

Научно-практическая конференция «Глобальный диалог о коренных народах», г Ко, Швейцария, август 2004 года.

Научно-практическая конференция ЮНЕСКО «Коренные народы в XXI веке», Париж, октябрь 2004 года.

Практическая значимость

Выводы, сделанные в ходе исследований, используются в учебных курсах Центра содействия коренным народам Севера, в семинарах и тренингах, организованных Ассоциацией коренных народов Севера для представителей местных сообществ, в спецкурсах (факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ, посвященных гражданскому обществу и социальным движениям

Данная работа может быть также использована в качестве основы для разработки практических рекомендаций по совершенствованию системы местного социального управления.

Результаты диссертации могут быть применены промышленными компаниями, государственными структурами и организациями коренных малочисленных народов при разработке стратегии согласования интересов.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» дана общая характеристика работы, обоснование ее актуальности и новизны, сформулированы основные исследовательские вопросы, цель, задачи, объект и предмет исследования. Рассматриваются также методы исследования, и обосновывается теоретико-методологический подход, используемый при анализе собранных эмпирических данных. Кроме этого, во введении анализируется степень разработанности темы в западной и российской литературе, раскрывается научно-практическая значимость работы.

Первая глава «Основные институты социального управления: ретроспектива и современное состояние» посвящена анализу становления системы государственного социального управления. Процесс формирования институтов управления рассматривается в исторической ретроспективе.

Главной особенностью коренных малочисленных народов, делавших их совершенно особым объектом управления для российского государства, было сохранение традиционных систем жизнеобеспечения и.

прежде всего, форм хозяйственной деятельности (оленоводство, охота, рыболовство и собирательство).

До 20-х гг XIX века Россия проводила в отношении северных «иностранцев» политику косвенного управления. В соответствии с Положением 1763 г коренные народы Сибири были обязаны вносить в казну государственную подать – ясак, который, по сути дела, ничем не отличался от дани. В 1822 г царское правительство провело реформу управления Сибирью. Специально для аборигенов был разработан «Устав об управлении иностранцев», в соответствии с которым народы Сибири делились по хозяйственно-культурному типу на три группы, бродячих, кочевых и оседлых. Устав ограничивал опеку над аборигенами со стороны русской администрации, которая должна была лишь осуществлять «общий надзор». Вводилась свободная торговля, упорядочивалось налоговое обложение.

Политика СССР по отношению к коренным народам может быть определена в целом как патерналистская, не допускающая участия коренных жителей в процессе принятия решений. Тем не менее, можно выделить три, существенно различающихся между собой, периода развития социального управления. В 20-е годы в локальных сообществах были созданы органы самоуправления, власть лишь координировала их работу. Для этого в системе государственного управления был создан специальный орган (Комитет Севера). В 1929-1930 гг были образованы Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский, Эвенкийский, Чукотский, Корякский национальные округа, несколько десятков национальных районов, более 200 национальных советов, в функции которых входила защита национально-культурных интересов местного населения.

С середины 30-х годов политика по отношению к коренным народам изменилась. Наступило время жесткого директивного индустриального освоения Севера. В этот период Государство практически не вмешивалось в их внутреннюю жизнь. Созданные повсеместно национальные колхозы, совхозы и госпромхозы были общесоветской формой организации *традиционного хозяйства* этих народов, в основном соответствовали их интересам.

В 1957 – 1991 гг народы Севера вновь стали объектом пристального внимания государства, в этот период была создана система государственного регулирования всех сфер жизнедеятельности народов Севера. Именно в этот период началось разрушение сохранившихся традиционных способов организации жизни, осуществлялась борьба с кочеванием, укрупнение и огосударствление коллективных хозяйств, обучение детей в интернатах, попытки технической модернизации традиционных отраслей.

После распада СССР начался процесс демократизации институтов управления, в том числе управления сообществами коренных народов. Были разработаны нормы их представительства в органах законодательной власти, в ряде регионов созданы консультационные структуры при региональных парламентах, появились департаменты по делам коренных наро-

дов в региональных администрациях. Разработан и принят ряд законов, защищающих права коренных малочисленных народов. Структурой, ответственной за формирование и осуществление политической стратегии государства по отношению к коренным народам стал Комитет по делам Севера. Многие полномочия по принятию важных для коренного населения решений передавались на региональный и местный уровень управления. Был законодательно оформлен институт общины как формы хозяйственной деятельности, имеющей статус некоммерческой организации.

Ситуация изменилась с середины 90-х годов. Государство фактически начало деинституционализацию социального управления, связанного с коренными малочисленными народами. Полномочия комитета по делам Севера сокращались, в 2000 году он был ликвидирован, его функции были переданы одному из отделов Министерства экономики РФ, одновременно прекращено федеральное финансирование программ поддержки коренного населения. В настоящее время социальные субъекты, представляющих интересы коренных малочисленных народов Севера в государственном секторе очень мало. Гарантии представительства малочисленных народов в законодательной власти на федеральном уровне в современной избирательной системе отсутствуют. Деинституционализация социального управления совпадает с ростом цен на нефть и интенсивным освоением территорий проживания коренных малочисленных народов нефте- и газодобывающими компаниями.

В главе 2 «Локальная самоорганизация: формирование новых местных институтов социального управления» анализируется процесс самоорганизации местных сообществ коренных малочисленных народов (причины возникновения, формы ее осуществления, влияющие на нее факторы), а также процесс формирования новых институтов местного социального управления. Автор выявляет следующие причины самоорганизации: конфликт с добывающими компаниями, экономический кризис, утрату этнокультурных традиций, слабый учет проблем и интересов местных этнических сообществ в практике управления, недостаточность каналов трансляции нужд и интересов сообществ представителям власти.

Конфликты с добывающими предприятиями стали главной причиной самоорганизации в конце 80-х годов. В нескольких регионах начались прямые протесты местных жителей в форме акций по перекрытию дорог, по которым доставлялись грузы на предприятия, пикетов у региональных администраций и т.п. Люди, получившие опыт совместной самостоятельной работы, осознают необходимость и возможность заняться организацией собственной жизни, не дожидаясь (и не дождавшись) помощи от властей. Так удегейцы на реке Бикин (Приморский край) объединились в связи с угрозой вырубки лесов, затем обнаружили, что собственными силами можно решать и многие другие проблемы.

Самоорганизация в целях преодоления экономической депрессии началась после распада СССР. Большинство промышленных предприятий в это время сократили или прекратили свою работу, поэтому снизилась острота конфликтов. В то же время были разрушены и предприятия коренного населения — колхозы, совхозы, промысловые артели. Традиционная экономика к 90-м годам оказалась достаточно глубоко интегрированной в советскую экономическую систему, поэтому прекращение государственных закупок, дотационных выплат практически полностью парализовало деятельность предприятий коренных народов. Финансовая поддержка социальной сферы также была прекращена. Поселки остались практически без ресурсов, в том числе обеспечивающих социальное и культурное развитие.

Данная проблема особо острой стала в 70-е-80-е годы. Она связана с политикой государства, направленной на унификацию жизни различных этнических групп со стандартизирующим влиянием современного индустриального общества, а также и тем, что традиционные институты передачи культуры уже не функционируют в полной мере, да и не могут быть достаточно эффективными в постоянно меняющейся среде. Это создает необходимость поиска новых способов сохранения, передачи и развития национальной культуры.

Инициатива в данной сфере имеет много общего с самоорганизацией жителей городов и начинает развиваться обычно по такой же схеме: люди с активной гражданской позицией начинают работу по разрешению какой-либо назревшей проблемы, вовлекая в этот процесс остальных жителей. Создаются неправительственные организации, которые вырабатывают и реализуют определенную стратегию действий.

Автор выделяет протестную, экономическую и социально-культурную самоорганизацию, при этом подчеркивает условность такого разделения. Экономическая деятельность сообщества не отделима от социальной, даже проекты создания национальных центров и клубов включают создание, например, мастерских по пошиву национальной одежды или изготовлению сувениров. А действия местного населения, направленные на экономическое развитие, сопровождаются разрешением проблем социальных. Дело в том, что социальные проблемы поселков невозможно разрешить без создания соответствующих экономических условий. В свою очередь, любая хозяйственная деятельность требует человеческих ресурсов. В почти замкнутом сообществе поселка это только его жители, от их физического и морального состояния зависит эффективность бизнеса. Если жители в состоянии депрессии, утратили веру в возможность изменить ситуацию, то экономического успеха достичь невозможно. Люди с активной жизненной позицией, принявшие решение действовать для того, чтобы вывести поселок или деревню из состояния кризиса, вынуждены начать работать едва ли не во всех направлениях сразу. Объединившись в связи с необходимостью разрешения конфликта, мест-

ные жители осознают, что таким образом можно решать и множество других проблем. Протестная самоорганизация неизбежно перерастает в экономическую и социально-культурную.

Важными факторами развития самоорганизации, по мнению диссертанта, являются наличие активных и образованных людей в коренных поселках и относительно высокий общий уровень грамотности жителей, старшее поколение которых успело получить среднее образование в советское время. Кроме того, гендерное разделение труда, при котором в организацию социальной жизни сообществ женщины вовлечены в большей степени, чем мужчины, привело к тому, что число женщин среди местных лидеров и активистов очень велико. Это увеличивает социальную составляющую деятельности местных неправительственных организаций, их приоритетом является спасение детей и возрождение социальной жизни сообщества, создаваемые ими институты социального управления направлены в первую очередь на носителей культуры, без сохранения которых ее дальнейшее поддержание невозможно.

В настоящее время, причинами процесса самоорганизации могут быть и конфликты с компаниями, и экономические проблемы. Самоорганизация в поселках коренных народов включает в себя достаточно широкий круг действий, в числе которых и протесты против деятельности добывающих компаний, обращение в суд и переговоры, развитие промысловых артелей и общин, обучение детей родному языку, работа по сбору и сохранению местных обычаев, фольклора, и пр.

Местные неправительственные организации взаимодействуют с районными властями, заставляя их выполнять функции социального управления. При этом создаются новые институты этого управления в виде способов и правил взаимодействия с властью, норм местной жизни и в виде новых устойчивых социальных практик. Например, на территории сообщества устанавливается сухой закон, с властью согласуются правила пользования природными ресурсами и охотничьими угодьями и т.п. Эти институты не являются традиционными, но они не являются и навязанными сообществу извне – местными властями или государством.

В главе 3 «Общероссийское движение коренных народов: институционализация отношений с государством и компаниями» диссертант рассматривает самоорганизацию коренных малочисленных на уровне общероссийского движения.

В начале 90-х годов возникли районные, а потом и региональные неправительственные организации коренных малочисленных народов. В России на территории одного региона обычно проживают различные этнические группы коренного населения, поэтому объединение их неправительственных организаций осуществлялось не по национальному прин-

ципу. Основой соединения усилий стал одинаковый образ жизни сообществ и в результате — общие проблемы, которые требовали разрешения.

Инициативу формирования общероссийского движения поддержало правительство СССР и фактически взяло на себя организацию объединения районных и региональных гражданских структур коренных народов. В 1990 году была создана Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее АКМНС). Основные цели Ассоциации — защита интересов и прав коренных народов, включая их права на землю, природные ресурсы, самоуправление. Сохранение территорий проживания коренных народов является главным условием их развития. Для достижения данной цели необходимо было решить задачу законодательного закрепления за коренными народами их исконных земель. Кроме того, существует ряд важных социально-культурных задач: охрана здоровья, сохранение языков, развития культуры, подготовка кадров и др.

АКМНС состоит из 34 регионально-этнических ассоциаций, созданных по территориальному и территориально-этническому принципу, которые обладают организационной и финансовой самостоятельностью. Высшим органом управления Ассоциации является Съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, который проводится один раз в четыре года. В период между съездами управление возложено на Координационный Совет, состоящий из Президента Ассоциации, избираемого голосованием на съезде, вице-президентов Ассоциации и президентов региональных и этнических Ассоциаций. Координационный Совет собирается на заседания не реже двух раз в год для обсуждения общих вопросов и координации совместной работы. Текущую и оперативную деятельность осуществляет Президент Ассоциации, который также представляет Ассоциацию на международном и российском уровнях.

Ассоциация объединяет все малочисленные народы России вне зависимости от их этнической принадлежности, что позволяет соединить силы и ресурсы действительно очень малочисленной и расселенной по огромной территории группы населения, избежать конкуренции между различными организациями, а, следовательно, увеличить эффективность действий движения.

Всероссийская Ассоциация создавалась в тесном взаимодействии с государственными структурами, которые в тот период были заинтересованы в сотрудничестве и в согласовании интересов с коренным населением. В результате, с самого начала АКМНС установила связи с основными структурами федеральной власти: Правительством РФ, Государственной думой, Федеральным собранием, Администрацией Президента. Сформировались новые институты взаимодействия с властью, включающие в себя участие в различных комитетах и комиссиях, развитие переговорного процесса, организацию семинаров, круглых столов, публичных обсужде-

ний, которые продолжают функционировать даже в современных условиях свертывания государственного социального управления

Диссертант анализирует также взаимодействие неправительственных организаций коренных малочисленных народов с добывающими компаниями. В настоящее время в процессе согласования интересов компаний и коренного населения, интересы местных сообществ представляют неправительственные организации нескольких уровней (общероссийская и региональная АКМНС, районные и местные гражданские структуры). В ходе их взаимодействия с компаниями формируются новые институты согласования интересов (правила и нормы переговорного процесса, соглашения) и социального управления (механизмы участия коренного населения в разработке и осуществлении компанией плана социально-экономического развития поселка и др.) Специфика данного типа институционализации социального управления заключается в том, что власти в ней не участвуют или участвуют лишь формально

В «Заключении» подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

В Приложениях к диссертации содержатся список организаций, с представителями которых были проведены глубинные интервью, список вопросов интервью, и др.

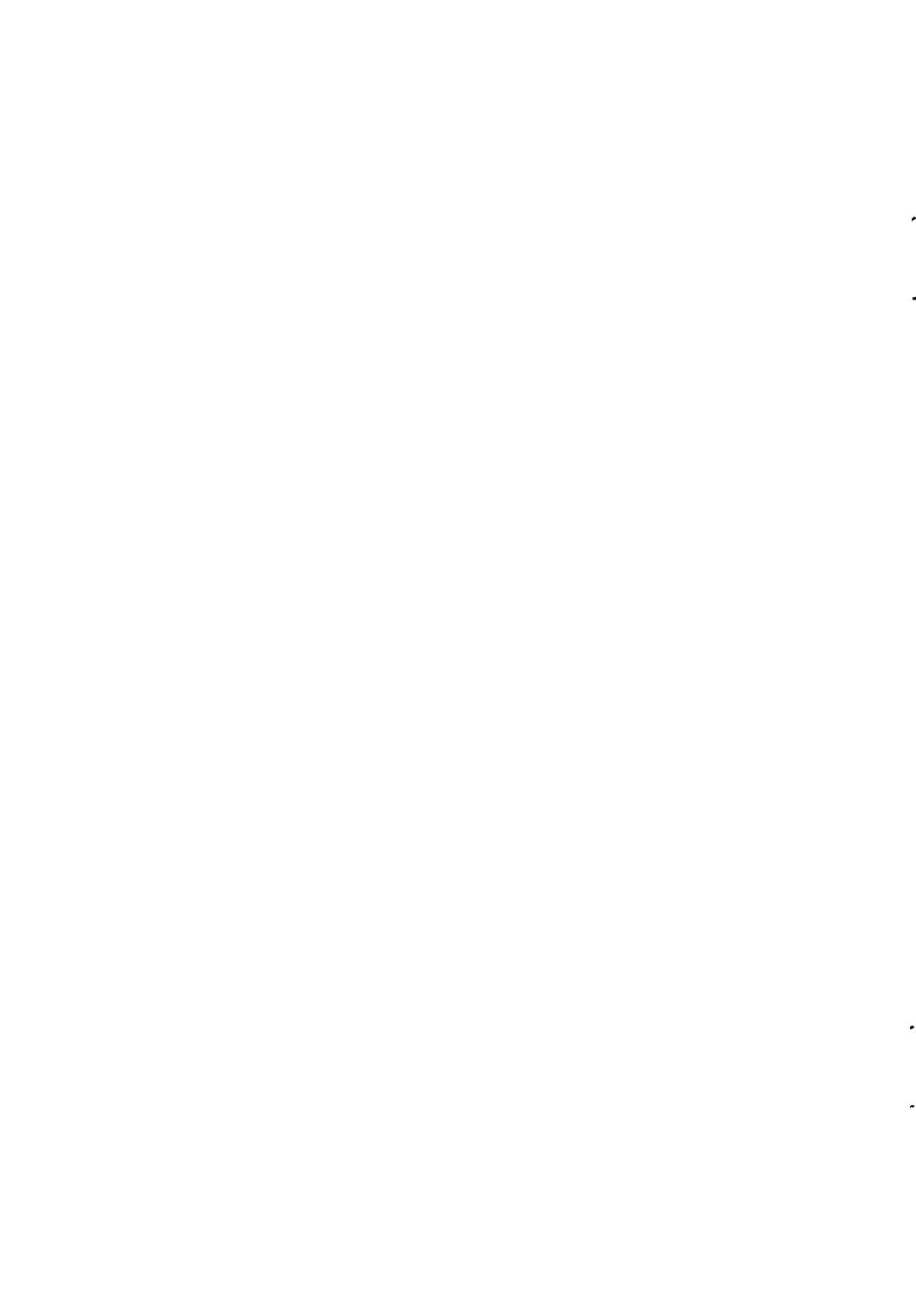
По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

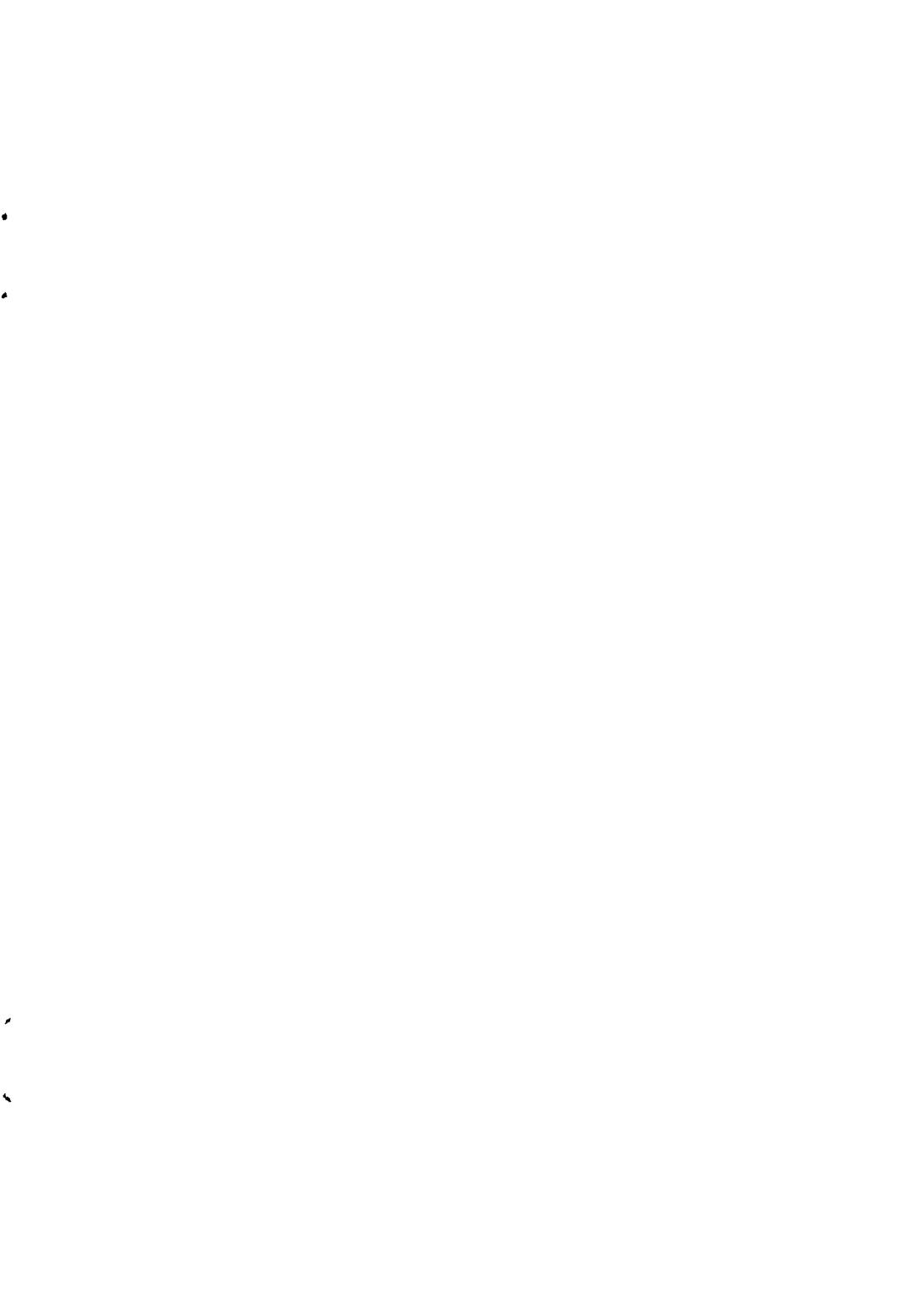
Суляндзига Р.В., Кудряшова Д. А., Суляндзига П. В. «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. – М.: 2003 (3 п. л.)

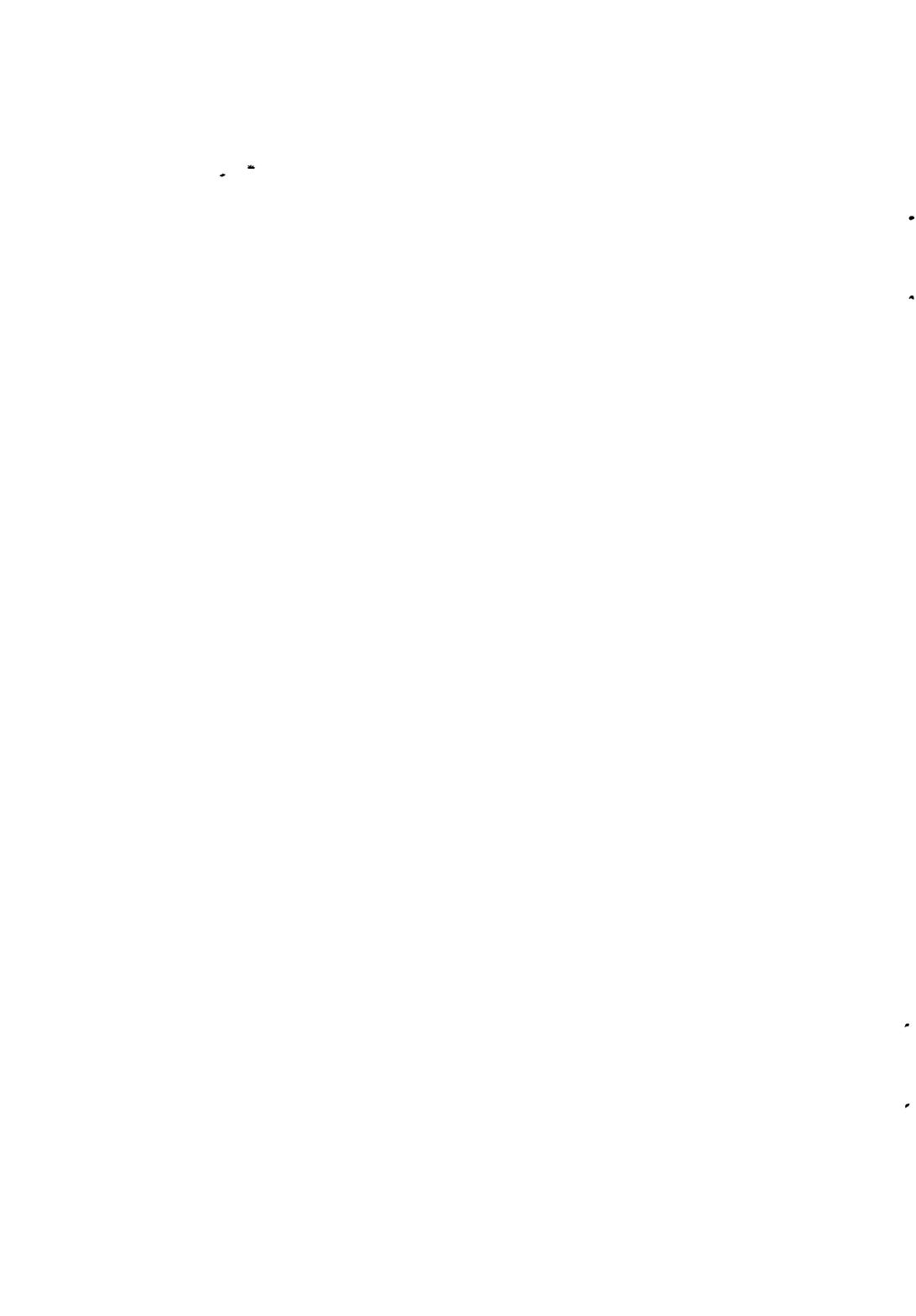
Суляндзига Р.В. «Согласование интересов и социальное партнерство при разрешении проблем коренных народов» // «Мир коренных народов. Живая Арктика». 2005, N 17, 2005 (0,6 п. л.).

Суляндзига Р.В. Локальная самоорганизация коренных малочисленных народов Севера и формирование новых местных институтов социального управления // Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью – М. Институт социологии РАН, 2005 (0,9 п. л.).

Suliyandziga R. The dialogue between “Ternciles” company and indigenous community // Global Dialog of Indigenous People. Proceedings of the Conference. – Geneva, Switzerland, 2004 (0,4 п. л.)

Подписано в печать 19.05. 2005 г.
зак. 45. тир.100. объем 1,5 п.л.
Москва, Нахимовский проспект,32.

РНБ Русский фонд

2007-4

635

09 ИЮН 2005

